О расах, происхождении индоевропейцев и отношениях палеоантропологов и генетиков

Мнение эксперта по материалу "Сбросить расы с парохода генетики?"

Приводим экспертное мнение д.и.н. А.Г.Козинцева по теме материала «Сбросить расы с парохода генетики?«, ранее уже опубликованное на нашем сайте

Начну с геногеографии и человеческих рас. Я вспоминаю наш давний разговор со Львом Самойловичем, состоявшийся лет 45 назад, когда нынешние громогласные отрицатели рас еще и на свет не родились. Последним криком моды была тогда книга «Понятие расы» (“The Concept of Race”, 1964). Ее авторы – Эшли Монтэгю, Фрэнк Ливингстон, Жан Иерно и другие – объединились и решили раз и навсегда покончить с расами. В отличие от современных деконструктивистов – политически ангажированных гуманитариев, которые не только ничего не смыслят в физической антропологии и не интересуются ею, но и считают ее занятием глубоко вредным – это были антропологи и генетики мирового уровня, много сделавшие для изучения биологического разнообразия человечества. Нынешним же ниспровергателям рас не хватает не только биологических знаний, но и решимости. Уж если отменять расоведение (в их убогом лексиконе это понятие неотрывно от понятия «расизм»), то первым делом, нужно, конечно, отменить физику микромира – после Хиросимы ли сомневаться в том, что страшнее всего злоупотребления именно в этой области? Пойдем по такому пути – многих наук не досчитаемся.

Так вот, авторы «Понятия расы» сочли, что от рас никакой пользы нет. Кстати, некоторые зоологи тогда же ополчились на родственное понятие «подвид». Действительно, последовательно генеалогическая классификация возможна лишь начиная с уровня вида. На внутривидовом же уровне изменчивость часто похожа не на дерево, а на сеть. Что за дерево, у которого ветви могут срастаться? «Зоолога, – писал Эрнст Майр, –не интересует монофилия на внутривидовом уровне». Орнитолог П.В. Терентьев – создатель метода корреляционных плеяд – называл подвиды «случайно выхваченными комбинациями признаков». Но в зоологии эта тенденция не прижилась – зоологи продолжают говорить о подвидах и даже их классифицировать. То же и в физической антропологии, и в генетике: то здесь, то там мы встречаемся с древовидными иерархическими схемами – дендрограммами, кладограммами, филограммами. Это полезный метод анализа, если не забывать о его ограничениях. А если есть древо, то вопрос о том, нужно или не нужно называть разные иерархические группировки какими-то терминами – вопрос чистой условности и удобства. Назовем ли мы их подвидами, надрасовыми стволами, расами, кластерами, группами популяций или же никак не назовем, большой роли не играет.

Но вернусь к нашему разговору с Клейном. Начитавшись Эшли Монтэгю и его коллег, я заявил, что расы не нужны, а нужно изучать признаки по отдельности, чтобы понять их биологическую суть. Кстати, многие так думают и до сих пор – выясняют роль климата, питания, микроэлементов и прочего в биологической изменчивости людей. Словом, делают то, что в начале XX в. пытался сделать Франц Боас, когда захотел доказать, что рас нет, поскольку форма головы у иммигрантов в США якобы меняется под непосредственным влиянием среды. Ничего у него из этого не вышло, но боасовский энвайронментализм в физической антропологии все еще очень популярен и то и дело стремится вытеснить расовую систематику. Отношения между ними сугубо антагонистические. Чем сильнее тот или иной признак подвержен влиянию среды (прямому или селективному), тем менее он полезен для установления родственных связей групп.

И вот, когда я попытался в присутствии Клейна доказать бесполезность понятия расы, он напомнил, что первыми этой детской болезнью переболели лингвисты. В частности Гуго Шухардт еще в конце XIX в. утверждал, что схема родственных связей диалектов, в отличие от языков, имеет вид не древа, а сети. Поэтому, дескать, и нужно изучать не диалекты, как «случайно выхваченные комбинации признаков», а отдельные признаки – изоглоссы. Словом, полная аналогия с видами и подвидами/расами. «Так-то оно так, – заметил Клейн, – и все-таки все мы говорим на языках и диалектах». Спор имеет гораздо более широкий смысл. Вспомним философию – ведь и Беркли, как ни трудно его опровергнуть, не убедил нас в том, что вишня – это всего лишь комбинация круглого, красного, терпкого и т.д.

Тут интересная параллель с геногеографией. А.С. Серебровского. Приверженцев географического метода в антропологии – Е.М. Чепурковского и В.В. Бунака – также интересовала изменчивость отдельных признаков, но ее изучение не подменяло анализа родства между популяциями. Елена Владимировна обратила внимание на изоморфизм между популяционной генетикой и лексикостатистикой. И тут, и там мы имеем дело с не только с отдельными признаками, но и с их комбинациями. Многомерный статистический анализ снимает это противопоставление, ведь можно картографировать не только признаки, но и их сочетания, причем выделенные объективно, а не выхваченные наугад, как это было у расоведов прошлого. Теперь мы все реже называем эти сочетания «расами». Но сам принцип изучения внутривидовой биологической изменчивости, как бы его ни называть – расоведением, геногеографией, просто анализом комплексов разграничительных признаков – по-прежнему актуален.